

1

С Мелиссой мы познакомились на поэтическом вечере, где я и Бобби выступали. Мелисса сфотографировала нас на улице у входа: Бобби курила, а я смущенно ухватила правой рукой за левое запястье, будто боялась, что оно убежит. Мелисса снимала большой профессиональной камерой со множеством объективов, которые носила в специальной сумке. Делая снимки, она курила и болтала. Она говорила о нашем выступлении, а мы — о ее работах, которые видели в интернете. Около полуночи бар закрылся. Пошел дождь, и Мелисса пригласила нас к себе выпить.

Мы втроем втиснулись на заднее сиденье такси и пристегнулись. Бобби села посередине и повернулась к Мелиссе поболтать, так что я видела только ее затылок и маленькое, похожее на ложечку ухо. Мелисса назвала таксисту адрес в Монкстауне, а я уставилась в окно. Голос по радио бубнил: восьмидесятые... поп... классика. Прозвучал джингл. Я внутренне собралась перед визитом в незнакомый дом, приготовилась говорить комплименты и излучать очарование.

Дом был на две квартиры, из красного кирпича, у входа рос платан. В свете уличного фонаря его листья казались оранжевыми и неживыми. Я обожала изучать чужие дома изнутри, особенно если хозяева хоть немного известны, вот как Мелисса. Сразу

решила запомнить каждую деталь, чтобы потом описать друзьям и Бобби все подтвердила бы.

Едва Мелисса впустила нас, в прихожую с лаем вскочил рыжий спаниель. В холле было тепло, повсюду горел свет. У двери стоял низкий столик, на нем — мелочь, расческа и открытая помада. Над лестницей висела копия картины Модильяни — полулежащая обнаженная женщина. Я подумала: да это же целый дом! Тут семья могла бы жить.

У нас гости, прокричала Мелисса в коридор.

Но никто не появился, и мы пошли за ней в кухню. Мне бросилась в глаза миска темного дерева, наполненная спелыми фруктами, и застекленная веранда. Богатые люди, подумала я. Я тогда постоянно думала о богатых. Собака прибежала за нами в кухню и крутилась под ногами, но Мелисса не обращала на нее внимания, так что и мы не стали.

Вина? — предложила Мелисса. Белого или красного?

Она наполнила огромные бокалы-чаши, и мы уселись вокруг низкого столика. Мелисса спросила, как мы угодили в поэтический слэм. Мы обе заканчивали тогда третий курс университета, но выступали вместе еще со школы. Экзамены были уже позади. Стоял конец мая.

Камера лежала на столе, и время от времени Мелисса хватала ее и делала пару кадров, подсмеиваясь над тем, что она «помешана на работе». Она закурила сигарету и стряхнула пепел в китчевую стеклянную пепельницу. В доме вообще не пахло сигаретным дымом — интересно, подумала я, она обычно здесь курит?

Сегодня у меня появились новые друзья, сказала она.

В дверях кухни стоял ее муж. Он помахал рукой, приветствуя нас, а собака начала скулить, повизгивать и носиться кругами.

Это Фрэнсис, сказала Мелисса. А это Бобби. Они пишут стихи.

Он взял бутылку пива из холодильника, поставил на стол и открыл.

Посиди с нами, предложила Мелисса.

Да я бы с удовольствием, ответил он, но мне надо выспаться перед вылетом.

Спаниелька вскочила на стул, и хозяин рассеянно погладил ее по голове. Спросил Мелиссу, кормила ли она собаку, и та ответила, что нет. Он взял собаку на руки, и она тут же полезла лизать ему шею и подбородок, а он был не против. Сказал, что покормит ее, и вышел из кухни.

Ник снимается завтра утром в Кардиффе, сказала Мелисса.

Мы уже знали, что ее муж актер. Их с Мелиссой часто фотографировали вместе на разных мероприятиях, друзья друзей были с ним знакомы. У него было широкое приятное лицо, и выглядел он так, будто мог держать Мелиссу под мышкой, а свободной рукой при этом отбиваться от недругов.

Он очень высокий, сказала Бобби.

Мелисса так улыбнулась, будто «высокий» — эвфемизм чего-то, не обязательно лестного. Разговор возобновился. Мы немного поспорили о правительстве и католической церкви. Мелисса спросила, религиозны ли мы, и мы ответили, что нет. Она сказала, что религиозные мероприятия, типа похорон и свадеб, ее «утешают и по-своему успокаивают». Они объединяют, пояснила она. Есть в этом что-то приятное для невротичной индивидуалистки. Я училась в школе

при монастыре, так что до сих пор помню почти все молитвы.

Мы тоже ходили в школу при монастыре, сказала Бобби. Непросто нам пришлось.

Мелисса усмехнулась и спросила: в смысле?

Ну, я лесбиянка, а Фрэнсис коммунистка, сказала Бобби.

И я, кажется, не помню ни одной молитвы, добавила я.

Мы еще долго выпивали и разговаривали. Обсуждали поэтессу Патрицию Локвуд¹, которой дружно восхищались, потом «феминизм за равную оплату труда», как пренебрежительно сформулировала Бобби. Я чувствовала, что пьянею и начинаю уставать. Не могла придумать ни одной остроумной реплики и силилась придать лицу выражение «у меня отличное чувство юмора». Кажется, я много смеялась и кивала. Мелисса призналась, что пишет новую книгу эссе. Бобби читала ее первую книгу, а я нет.

Она не такая уж хорошая, сказала Мелисса. Подожди, пока выйдет новая.

Около трех часов ночи она проводила нас в гостевую комнату, сказала, как рада знакомству и как здорово, что мы остались. Мы легли в постель, я уставилась в потолок и почувствовала, насколько же я пьяна. Комната кружилась короткими рывками. Стоило пережить одно вращение, как тут же начиналось другое. Я спросила Бобби — мол, у нее тоже все идет кругом? — но она сказала, что нет.

Она удивительная, правда? — сказала Бобби. Мелисса.

---

¹ Локвуд Патриция (р. 1982) — американская поэтесса и эссеистка, звезда современной поэзии.

Мне понравилась, сказала я.

Из коридора слышались ее голос и шаги, ее носило из комнаты в комнату. Залаяла собака, Мелисса что-то крикнула, ей ответил голос мужа. А потом мы заснули. Мы не слышали, как он ушел.

/

Мы с Бобби познакомились в средней школе. Самоуверенности ей было не занимать, и ее то и дело оставляли после уроков за плохое поведение, которое у нас называли «помехой преподаванию и обучению». Когда нам было по шестнадцать, она проколола себе нос и закурила. Она никому не нравилась. Однажды ее временно исключили за то, что написала «в жопу ваш патриархат» на стене рядом с гипсовым распятием. Желающих заступиться за Бобби не нашлось. Ее считали выпендрежницей. Даже я вынуждена была признать, что в ту неделю, когда ее не было, преподаванию и обучению почти ничто не мешало.

Когда нам исполнилось по семнадцать, нас не миновал школьный благотворительный бал — в актовом зале, где щербатый диско-шар отбрасывал свет на потолок и зарешеченные окна. Бобби пришла в легком летнем платье и, похоже, забыв причесаться. Выглядела она ослепительно, так что всем пришлось постараться, чтобы не обращать на нее внимания. Я сказала ей: отличное платье. Она угостила меня водкой, которую протащила в бутылке из-под кока-колы, и спросила, заперта ли вся остальная школа. Мы подергали дверь на запасную лестницу и обнаружили, что она открыта. Там никого не было и свет не горел. Сквозь половицы мы слышали музыку снизу — словно где-то звонил чужой телефон. Бобби дала мне еще отхлебнуть водки и

спросила, нравятся ли мне девушки. Рядом с нею легко было держаться невозможно. Я ответила: конечно.

Я никого не предала, став девушкой Бобби. Близких друзей у меня не было, в обед я обычно в одиночестве читала учебники в школьной библиотеке. Мне нравились другие девчонки, я давала им списывать домашку, но я была одинока и считала, что недостойна настоящей дружбы. Я составила список, что нужно в себе улучшить. Но когда мы с Бобби начали встречаться, все изменилось. Больше никто не просил у меня списать. В обед мы вдвоем шли по парковке, держась за руки, и все презрительно отворачивались. Это было прикольно, первая по-настоящему прикольная вещь в моей жизни.

После школы мы обычно лежали в ее комнате, слушали музыку и болтали о том, что нам друг в друге нравится. Долгие и напряженные разговоры — каждый казался мне практически судьбоносным, и вечерами я тайком записывала фрагменты по памяти. Когда Бобби говорила обо мне, я словно впервые видела себя в зеркале. Я стала чаще смотреться в реальные зеркала. Внимательно изучала свое лицо и тело, чего прежде никогда не делала. Задавала Бобби вопросы типа: а ноги у меня длинные? Или коротковаты?

На выпускном вечере мы вместе читали со сцены. Некоторые родители прослезились, но одноклассники пялились в окна актового зала или перешептывались. Несколько месяцев спустя, проведя вместе больше года, мы с Бобби расстались.

/

Мелисса захотела о нас написать. Прислала имейл, спросила, интересно ли нам, и приложила несколько

снимков, сделанных у входа в бар. Одна у себя в комнате, я загрузила файл и развернула фотку на весь экран. На меня озорно смотрела Бобби — правой рукой держит сигарету, левой натягивает меховую накидку. На ее фоне я выглядела скучающей и интересной. Я представила свое имя, полужирным шрифтом с засечками. Решила, что в следующий раз постараюсь произвести на Мелиссу сильное впечатление.

Как только пришло письмо, позвонила Бобби.

Видела фотки? — сказала она. По-моему, я в нее влюбилась.

Одной рукой я держала телефон, а другой увеличивала изображение лица Бобби. Снимок был в высоком разрешении, но я увеличивала, пока не полезли пиксели.

Может, ты просто влюблена в собственное лицо? — сказала я.

Если я красива, это еще не значит, что я нарцисс.

Я пропустила ее слова мимо ушей. Я все увеличивала фото. Я знала, что Мелисса работает на несколько влиятельных литературных сайтов и ее статьи очень популярны. Она написала знаменитое эссе о церемонии вручения «Оскара», которое каждый год во время оscarовской гонки все считали своим долгом перепостить. Порой она писала про художников, продававших свои работы на Графтон-стрит, и про лондонских уличных музыкантов; на стильных фото-иллюстрациях героини выглядели очень человечными и «характерными». Я уменьшила масштаб и попыталась взглянуть на собственное лицо глазами незнакомца, который наткнулся на это фото в интернете. Лицо округлое и бледное, брови перевернутыми скобками, взгляд в сторону, глаза полуприкрыты. Даже мне было видно: характер у меня есть.

Мы ответили, что будем рады, и Мелисса пригласила нас на ужин, чтобы подробнее расспросить о нашем творчестве и еще пофотографировать. Попросила меня прислать несколько стихотворений, и я отправила три-четыре лучших.

Мы с Бобби долго обсуждали, что она наденет к ужину, хотя собрались, чтобы прикинуть, как оденемся мы обе. Я лежала в своей комнате, наблюдая, как она крутится у зеркала, недовольно поправляя волосы.

Так ты говоришь, что влюбилась в Мелиссу, сказала я.

Угу, запала на нее.

Ты в курсе, что она замужем?

Что, думаешь, я ей не нравлюсь? — сказала Бобби.

Она примеряла перед зеркалом одну из моих любимых рубашек — белую, из мягкого хлопка.

В смысле «нравишься»? Мы сейчас серьезно или прикалываемся?

Почти серьезно. По-моему, она в меня влюбилась.

Настолько, чтобы изменить мужу?

Бобби только расхохоталась. С другими людьми я обычно догадывалась, всерьез они говорят или нет, но с Бобби не догадаешься. Она всегда говорила полусерьезно-полусуто. Так что мне пришлось отрастить дзен, чтобы спокойно воспринимать все ее странности. Я смотрела, как она снимает блузку и надевает белую рубашку, аккуратно закатывает рукава.

Классно? — сказала она. Или ужасно?

Неплохо. Хорошо смотрится.

В день нашего визита к Мелиссе шел нескончаемый дождь. С утра я сидела в постели и писала стихи, била по клавише «ввод» где попало. В конце концов я открыла жалюзи, почитала новости в интернете и приняла душ. Дверь моей квартиры выходила во внутренний дворик дома — заросший травой, с вишневым деревом в дальнем углу. Сейчас был почти июнь, а в апреле вишня стояла вся в сияющих шелковистых цветах, похожих на конфетти. У соседей был совсем маленький ребенок — он иногда плакал по ночам. Мне нравилось там жить.

Мы с Бобби встретились вечером в городе и сели на автобус до Монкстауна. Поиски дороги к дому — как будто разворачиваешь слои оберточной бумаги в «передай посылку». Я поделилась этим с Бобби, а она спросила: так это приз или еще один слой упаковки?

Пойдем после ужина, ответила я.

Мы позвонили в дверь, Мелисса открыла — на плече фотокамера. Поблагодарила, что пришли. Одарила нас выразительной заговорщической улыбкой — я думаю, она так улыбалась всем героям своих статей, как бы намекая: для меня вы не просто работа — вы особенные, любимчики. Я подумала, что позже перед зеркалом с завистью попытаюсь эту улыбку

повторить. Пока мы вешали куртки, в дверях кухни таявал спаниель.

В самой кухне муж Мелиссы резал овощи. Собаку наше сборище реально взбудоражило. Она вскочила на стул и лаяла секунд десять или двадцать, пока Ник не скомандовал ей умолкнуть.

Вино будете? — сказала Мелисса.

Конечно, ответили мы, и Ник наполнил бокалы. После нашей первой встречи я успела почитать о нем в интернете — он ведь был первый актер, с которым я познакомилась в жизни. В основном он играл в театре, но еще снялся в нескольких сериалах и фильмах. Однажды, несколько лет назад, его номинировали на престижную премию, но он не выиграл. Я наткнулась на множество фотографий, где он позировал без рубашки, — почти на всех он выглядел моложе и выходил из бассейна или принимал душ в давным-давно закрытом сериале. Я отправила Бобби ссылку на одну фотографию и приписала: трофейный муж.

Фотографий Мелиссы в интернете было не так уж много, хотя ее сборник эссе активно обсуждали. Я не знала, давно ли они с Ником женаты, — они были еще не настолько знамениты, интернет таких подробностей не знал.

Так вы пишете вместе? — сказала Мелисса.

О боже, нет, сказала Бобби. Все пишет Фрэнсис. Я даже не помогаю.

Неправда, сказала я. Неправда, ты помогаешь. Это она просто так говорит.

Мелисса склонила голову и как бы усмехнулась.

И кто же из вас врет? — сказала она.

Врала я. Бобби действительно не помогала мне писать стихи — разве что разнообразила мою жизнь.

Насколько я знаю, она никогда не пыталась сочинять. Она любила произносить драматичные монологи и петь антивоенные баллады. На сцене она смотрелась великолепно, и я частенько поглядывала на нее, когда от волнения забывала, что делать.

На ужин были спагетти в густом беловинном соусе и много чесночного хлеба. Ник в основном молчал, а Мелисса задавала вопросы. Она то и дело нас смешила, но так, как пичкают едой совершенно голодного человека. Я сомневалась, нравится ли мне такая веселая напористость, а вот Бобби точно была в восторге. Я заметила, что она смеялась даже больше, чем было уместно.

Не знаю, почему я так решила, но, по-моему, как только Мелисса узнала, что стихи пишу я одна, она потеряла всякий интерес к процессу их создания. Перемена была настолько неуловимая, что Бобби наверняка сказала бы «ничего подобного», и я злилась, будто она уже так и сказала. Я выпала из ситуации, словно меня не волновало, как все повернулось, вообще меня не касалось. Я могла бы включиться обратно, но, видимо, не хотелось прикладывать усилия, чтоб меня заметили.

После ужина Ник убрал тарелки, а Мелисса начала фотографировать. Бобби сидела на подоконнике, глядела на горящую свечу, смеялась и строила милые рожицы. Я замерла за столом, приканчивая третий бокал вина.

Мне нравится кадр с окном, сказала Мелисса. Давай сделаем такой же, но на веранде?

На веранду вели двойные двери. Бобби отправилась за Мелиссой, а та закрыла за ними створки. Я видела, как Бобби хохочет на подоконнике, но не слышала ее смеха. Ник наполнял раковину горячей

водой. Я еще раз похвалила еду, он поднял глаза и ответил: а, спасибо.

Сквозь стекло я наблюдала, как Бобби поправляет потекший макияж под глазом. У нее были узкие запястья и длинные изящные кисти. Порой, когда я занималась чем-то нудным — шла с работы или развешивала постиранное белье, — я представляла, что выгляжу как Бобби. Ее осанка была лучше моей, а лицо — красивым и запоминающимся. Иллюзия перевоплощения была настолько реальна, что, случайно заметив свое отражение и увидев настоящую себя, я переживала странный шок обезличенности. Сейчас, когда Бобби сидела прямо перед глазами, проделать этот трюк было гораздо сложнее, но я все равно попыталась. Захотелось сказать что-нибудь глупое и провокационное.

Похоже, я тут иду в нагрузку, сказала я.

Ник бросил взгляд на веранду, где Бобби что-то изображала, встряхивая волосами.

Думаешь, Мелисса слишком уж выделяет Бобби? — сказал он. Если хочешь, я с ней поговорю.

Нормально. Все без ума от Бобби.

Правда? Должен сказать, я больше проникся к тебе.

Мы посмотрели друг на друга. Я поняла, что он стебется, и улыбнулась.

О да, я сразу ощутила мистическую связь, кивнула я.

Меня тянет к поэтическим натурам.

Ну что ж. У меня цветистый внутренний мир, уж поверь.